

Дмитрий Ханин

Так хочется сердцу
читать научиться...

Сборник стихотворений

«Альтаир»
г. Ростов-на-Дону
2023

ББК 84(2Рос=Рус)5
Х12

Ханин Д. И.
Х12 **Так хочется сердцу читать научиться...** : сборник стихотворений. — Ростов н/Д : Издательство «Альтаир», 2023. — 104 с.

Дмитрий Ханин родился в 1989 году, ростовчанин, выпускник мехмата ЮФУ. Воспитанник литературного объединения «Дон» (руководитель — поэт И.Н. Кудрявцев). Член Союза писателей России, лауреат нескольких всероссийских премий.

В первый раздел книги вошли стихи, неопубликованные в предыдущих авторских сборниках, во второй — произведения прежних лет.

ISBN 978-5-91951-794-8

16+

© Ханин Д. И., 2023
© Издательство «Альтаир», 2023

*С душой соприкасалась
доброта*

Так хочется сердцу читать научиться,
Да видно, пока я ещё не дорос.
На тихом снегу, как на книжной странице,
Чернеют бессонные буквы берёз.

С рассвета гляжу на ветвей очертанья,
На смутные знаки холодных стволов
И в них замечаю Вселенной посланье,
Где ясны душе только несколько слов.

Слова-то простые — «Любовь» да «Молитва»,
А слоги надежды от ветра звенят.
И слышатся рифмы, безумствуют ритмы,
В которых восходом наполнен закат.

И страшно мне браться за стихотворенье —
Имею ли право? Совсем не пойму.
Пока столь обрывочны навыки чтенья,
Всерьёз невозможно учиться письму.

Чего-то мне всегда не достаёт,
И я гоню судьбу за идеалом,
А на окне мурлычет мудрый кот,
Умеющий довольствоваться малым.

Его лишь поприветствую рукой —
И он уже, от счастья неотступно,
Глядит на мир с влюблённостью такой,
Какая мне пока что недоступна.

Не верю я крикливым голосам,
Которые вошли в людской обычай.
Пусть того не ведает и сам —
Спокойно кот о вечности мурлычет...

Так часто речь заумная пуста,
Хотя она и кажется почтенной,
А тихое мурлыканье кота
Наполнено гармонией Вселенной.

Июль не прошёл стороною,
Горячее время суля.
Душа пересохла от зноя
И стала твердеть, как земля:
Всё меньше в надеждах трепещет,
Всё реже страдает навзрыд,
И сетка безжалостных трещин
На ней, как на почве, лежит...
Но лёгкие капли, робея,
Под вечер с небес полетят,
И вдруг перемену в себе я
Почувствую, выгляну в сад,
Где травы в обнимку с корягой
Воспрянут, беспечно шурша...
Земля размягчается влагой,
Как тихой любовью — душа.

$$F = G \frac{m_1 m_2}{r^2}$$

Закон всемирного тяготения

Здесь всё тяготеет друг к другу:
И солнце, и листья, и век,
Здесь лошадь сливается с плугом,
Как рыбы — с течением рек.
Всесилен закон притяженья
Меж светом, травой и людьми...
К душе тяготеют сомненья,
И жмутся к земле ковыли.
Пока не довлеют итоги,
Но ветром притянута грусть,
И я, тяготея к тревоге,
Печалью своей тягочусь.
Поверить сложнее, чем прежде,
Что мир посвящён красоте...
Но жизнь тяготеет к надежде,
Как птичий полёт — к высоте.

Человечьи узки границы.
В мире света и синева
Фотосинтезу б научиться
У качающейся травы,
У весенней беспечной вербы —
Чтобы терпкую гарь невзгод
Под лучами добра и веры
Переделывать в кислород,
Перечувствовать, постигая,
Передумывать, осознав...
И расти у подножья Рая,
Как одна из вселенских трав.

Бывает в июле — не то чтоб тоска,
Но веет прохладой.
И кажется: осень, хотя далека,
А всё-таки рядом.
И вроде бы нет ни зимы впереди,
Ни туч на полсвета,
Но грустно качается что-то в груди,
Как тонкая ветка,
Как хрупкая ветка неясной мечты,
Похожей на вишню,
Похожей на сущность земной красоты,
У сердца зависшей.
И страшно тревогой коснуться её —
Ах, как не сломать бы.
Ах, как бы не бросить её в забытьё
У края усадьбы —
Усадьбы, где прошлое знает покой,
Где осень прекрасна...
Там ягоды вишни горят над землёй,
Чтоб жизнь не погасла.

Ночью — словно наяву —
От хлопот в сторонке,
Снится мне, что я живу
В старенькой избёнке.

Никого в округе нет,
Кроме птиц и Бога.
В трёх окошках — яблонь цвет,
А в одном — дорога.

Всюду истина видна,
С Родиною схожа.
В трёх окошках тишина,
И в четвёртом — тоже.

Над дорогой небосвод,
Вдоль неё — осока.
А куда тот путь ведёт —
Не узнать до срока.

Искрился дождь. Я августовским днём
Вдоль речки шёл по глиняной дороге.
И небо было — словно чернозём,
А вдалеке светился летний дом,
Где возвышалась осень на пороге.
Деревья говорили мне о том,
Что нужен дождь — и яблоням, и людям.
И дождь сиял над сумрачностью буден,
И созревали яблоки потом.
Теперь пытаюсь в прошлое всмотреться —
А видится безоблачность на сердце,
Где жизнь умыта утренним дождём,
Где гром — не гром и смерть — ещё не гром...

Что печалью бредить зря,
Видя осени приметы?
Есть три дня до сентября —
Три последних песни лета.

Как безудержны они,
Эти солнечные звуки,
Озаряющие дни
Отрицанием разлуки,

Балагурят просто так:
Для веселья, для забавы,
Будто вечность им — пустяк...
До чего же песни правы!

Быть наивным тяжело
Перед вздохом листопада...
Но, пока ещё тепло,
Мне у них учиться надо.

Так ветрено, что, чудится, вот-вот
Порывом сдует город наш навеки,
На картах перепутаются реки
И Арктику к экватору снесёт.

Так сумрачно, что горечи — запас,
А радости — едва на пару суток,
Что скорость ветра — сто тревог в минуту
И с гулом нарастает каждый час.

Так тягостно, что цель вполне ясна:
Дожить до дней, чуть менее мятежных...
И кажется осознанней надежда,
И чётче небо видно из окна.

Подходит август к завершенью,
Сыреет высь над головой.
Мне судьбоносные решенья
Уже не кажутся игрой.
Уже громоздки стали цели,
Уже иные смыслы в них —
Как будто вдруг потяжелели
Значенья капель дождевых.
Я дождь читаю, словно книжку,
Слова сливаются в упрёк:
Мол, я живу теперь с одышкой
И дни мои текут не впрок,
Мол, за последнюю неделю
Я стал угрюмее и злей...
Всё это так — на самом деле.
Душа теряет журавлей.
Пора синиц. Чего мне нужно?
Заглянешь в сердце — грусть да гладь...
А в сентябре пойду по лужам
Учиться заново играть.

Мельница

Ветер не переменится,
Гнётся к земле трава.
Крутится в поле мельница,
Лязгают жернова.
Я переполнен робостью,
Слушая скрип веков:
Чувствую, будто лопасти —
Стрелки больших часов.
Знаю, хотя не верится —
Всё отмелькать должно.
Жизнь — ветряная мельница:
Сыплю в неё зерно,
Собранное, как истина,
В тоненьких колосках —
То, что дано мне выстрадать
И принести в руках.
Сущное перемелется —
Ветер упрям и слеп...
Тихо душа надеется,
Что превратится в хлеб.

Факты

Всё подвергается сомнению,
Как будто видится сквозь дым.
Бесспорен только факт рожденья,
И смерти факт неоспорим.
Так много слов пропало даром,
Надежды канули в траву,
А я хожу средь яблонь старых
И греюсь фактом, что живу.
Хотя кора и листья дряблы,
Но меж ненастий и кручин
Бессмертны факты спелых яблок
На тонких веточках причин.

Ни к чему здесь цветы горемычные...
Мне пронзительно стало родным
Возле кладбища поле пшеничное
Под безудержным ветром степным.
Огляжусь я, и сердце сжимается —
Так в природе контрасты близки:
Над землёю кресты поднимаются,
Как желтеющие колоски...
Что-то в жизни всегда недосказано,
А в душе всё светлей и светлей...
Будто дни мои с вечностью связаны
Добрым хлебом с пшеничных полей.

Понурые дни. В магазине «Продукты»
Лежат на прилавке сезонные фрукты,
Стоит продавщица с лицом отстранённым,
Болея неврозом и кашлем сезонным.
Я к ней подхожу, точно поезд к перрону,
С тоскою протяжной, согласно сезону.
...А помнится, было недавно, в апреле —
Сезонно грачи надо мною летели.

Причины надежд и печалей резонны.
Так что остаётся в душе внесезонным?
Задумаюсь — нет в размышлениях лада...
Но греется сердце о кисть винограда.

Осенний дракон

Когда в округе сырость и тоска,
Бледнеет грань меж бытностью и чудом,
И к истине фантазия близка,
Лишённая учёных пересудов.

В осеннем небе старенький дракон
Мне кажется обыденным явленьем,
Как сонный дождь, сквозящий испокон
В период листопада и смиренья.

Давно умчались ласточки к теплу,
В душе парят совсем иные птицы,
И два крыла, окрашенных в золу,
Распахнуты, как памяти страницы.

Мой добрый ностальгический дракон —
Печаль, овеществлённая эфиром, —
Явился из мифических времён
Как связь моя с дождливым этим миром.

Не может душа обойтись без печали,
Когда окружают осенние дни.
Надежды, как листья, угрюмо опали,
Но так неизменно чаруют они.

Сегодня дождливые истины всюду
И ветер продрогший готовит к зиме,
Но есть что-то в листьях от сказки и чуда,
Которые в детстве доверили мне.

Какая-то странная добрая сила,
Подобная яркой весенней мечте,
Та сила, что сердцу с пелёнок внушила:
Ничто не перечит земной красоте.

А лист, ощутивший гармонии власть,
И с ветки почти не боится упасть.

Парадокс

Необъяснимо свойство хмурых дней:

Чем громче дождь, тем прошлое слышней.

Сегодня день продрогший и больной,
Когда никто прохожему не верит.
Поговорю с лохматой тишиной,
Которая, как пёс, лежит у двери.

Беседа с ней наивна и проста:
О времени, о памяти, о духе,
О городе, где душит суета,
О веке и ноябрьской разрухе.

Но если близко к пасти подойти,
Надеясь почесать судьбу за ухом,
То пёс не даст беспечного пути,
А зарычит размеренно и глухо.

— Послушай, друг, я не уйду назад.
Рычи о том, как вы́ветрены дали!
Осенний рык похож на листопад:
Он также медлен, вкрадчив и печален.

Есть в холоде моём — моя вина...
И всё-таки надеюсь я бесстыже,
Что добрая дворняга-тишина
Мои тревоги вечером залижет.

Судьба нас жить по формулам неволит:
Плюс-минус счастье век отмерил нам.
От точки А до точки Б, как в школе,
Трамвай гремит по заданным путям,

Сквозь октябрь торопится куда-то,
Поскольку предначертано идти
От точки А до точки невозврата
По острию железного пути.

...И всё-таки движение без цели
Уже не станет сущностью моей,
Поскольку на конечной за туннелем
Есть бесконечность света и дождей.

Мокрый снег

Озябших капель вереницы
Летят, сомненьем тяготясь,
Им тяжело определиться —
Дождём ли, снегом ли упасть:

То моросят промозглой дрожью,
То мчатся, радостно клубя...
Как будто мир понять не может,
Чего он хочет от себя.

Приняв смятение природы,
Стоит печальный человек
И видит прожитые годы,
Как мимолётный мокрый снег.

Ему пока ещё не ясно,
Что всё осмысленно кругом
И что не может быть напрасным
Идущий с неба снег с дождём...

Летит Земля — лучам открыта,
Ей понапрасну не свернуть.
Она поверила в орбиту,
Как верят грешники в свой путь.

На ней снега идут и войны,
Ветра полынь и судьбы гнут....
Она же вдаль глядит спокойно,
Признав за истину маршрут.

Что ей заботы и обиды? —
Земля не чувствует интриг,
И не скрывается из вида
Сиянье солнца ни на миг...

...Скажи мне, мудрая планета,
Как в темноте не сгинуть впредь,
Как не терять источник света
И понимать, куда лететь...

Когда возникает апатия к ветру
И долго не спится,
То время идти, возвращаясь по метру,
К исходной странице,
Вдоль памяти — к детству, к далёкой метели
И первому крику,
Любуясь, как снег укрывает качели
Да держит калитку.
А там, за калиткой — вишнёвые годы,
И банка с вареньем,
И бабушкин взгляд, и беспечность свободы,
И радость рожденья,
Там близость начала и вера подспудно
В бессмертье и лето,
Там всё неподкупно, там всё неподсудно,
Всё кажется светом.
И нет ничего, что успеет наскучить:
Ни страха, ни цели —
Белеет надежда, да ветер скрипучий
Качает качели.

Душа о зле ещё не знала,
И снег летел меж детских дней,
Как будто светлое начало,
Как будто жизнь, где смерти мало,
А больше ёлочных огней.

И было радостно неясным,
Зачем летит он и зачем
Ребёнок, выросший из яслей,
На снег, бескрайний и прекрасный,
Глядит, взрослея между тем.

А снег спешил. Приняв свободу,
За ним летели на ветру
Надежды, страхи и невзгоды.
Душа взрослела с непогодой.
Но всё растаяло к утру...

Конечно, вновь зима расстелет
Свой белый цвет и торжество,
Но как по-детски жить в метели
Не ради выдуманной цели,
А ради снега самого?

С полудня светится над крышей
Невыразимый белый снег —
Наивной правды оберег,
Он душу чувствует и слышит.
Который год, как в первый раз,
Летит волнующе-лучисто,
Блестя мечтой не напоказ —
Спокойно, искренне и чисто.

И тише мир, и вздохи тише,
Лишь вдалеке — ребячий смех...
Родной, как солнце, первый снег,
Спускаясь, кажется всё выше.
И мысли выше. Всюду гладь —
Неотразима и певуча...
Откуда смех? Нельзя понять,
Но так он истине созвучен,

Как будто снегом небо дышит.
А я невнятные слова
Полдня под нос шепчу едва,
И только снег их чётко слышит.

Так морозно, что мысли в ознобе.
Ко всему равнодушен январь.
Выйди к снегу, в ладони ударь —
Тотчас эхо умолкнет в сугробе.

Этот вечер не отдан любви,
Но печаль к очагу не зови.

Осторожно мечты примечая,
Избежим ледниковой беды —
Лишь бы в доме хватило воды
Для горячего доброго чая.

...Выйди к звёздам, в ладони ударь —
Будет эхо надёжным, как встарь.

К наивным дням судьба нас не вернёт,
Меняют мысли форму и окраску.
Всё меньше жду чудес на Новый Год,
Всё больше ожидаю их на Пасху.

Крепись, душа, о вечном хлопочи —
Тебе так трудно истины даются!
Смотри же, как огромны куличи,
Хотя и умещаются на блюдца.

Как много нынче воздуха вдохну
У маленькой часовни белостенной,
Где чувствовать чудес величину
Я только начинаю постепенно.

Летели дни, как на Пегасе,
На белых крыльях декабря.
Никто над снегом был не властен,
Но о другом подумал я.
Подступит срок убрать салазки
И тихо ждать зимы опять...
Каким последовать указкам
Тогда, когда уходит сказка?
Как жить и снег не предавать?

Был апрель. Под веткой клёна
Я, счастливый от весны,
Разглядел в листке зелёном
Карту сказочной страны.

По прожилкам, как по рекам,
Понеслась душа туда,
Где надежда правит веком
И не властвует беда,

Где виднеется за далью
Неуёмная заря...
Этот листик не сорвал я —
Он дожил до октября

И ушёл, а я остался,
Я почти забыл о нём,
Хоть от горести метался,
Точно листья за окном...

...Те печали отболели,
Но когда терзают сны,
Я ищу в своём апреле
Карту Сказочной Страны.

Если вслушаться в будний покой,
То почудится с детскостью розовой,
Будто в сбивчивой речи берёзовой
Больше правды, чем в речи людской.

Дней моих разрозненные строки
Всё-таки к созвучьям не глухи:
Сложносочинённые пороки,
Сложноподчинённые грехи, —
Кажется, бессмыслица пустая,
Кажется, дела идут вразброд...
А глядишь, мелькнула запятая
И к любви причастный оборот.

Любе Х.

Когда друг друга мы не понимаем
И пылко спорят наши голоса,
За городом, в саду под птичьим граем,
Свершаются простые чудеса.

Людские души тонки и не крепки!
Как тени их, в чарующем миру
Качаются две истины — две ветки,
И яблоня трепещет на ветру.

Где листья спорят шелестом журчащим
Друг с другом и с безжалостностью дней,
Там веет чем-то мудро настоящим,
Идущим от задумчивых корней.

Заботы, как бетонные строенья,
Виднеются угрюмою стеной,
Но так неоспоримо ощущение,
Что мы — две ветки яблони одной.

Любе Х.

Любовь — не букеты наивных цветов:
В ней больше и воли, и мощи.
Она — окрылённая звоном ветров
Зелёная дикая роща.

Непросто нам вглубь пробираться вдвоём,
С опасностью тропы граничат,
Но птицы, как листья, резвятся кругом,
И листья воркуют по-птичьи...

Оставим в прошедшем заботы и хлам,
Чтоб стать веселей и весенней.
Мы будем к ручью выходить по утрам,
Как старцы выходят к прозрению.

Продолжит куда-то струиться ручей —
Что в жизни чудесней и проще?
И мы, словно пара апрельских лучей,
Сольёмся с дыханием рощи...

Любе Х.

Казалось бы: вот день и он не вечен.
Вот сонный мрак, ползущий, как змея.
А вглядываюсь — нет противоречий,
Есть разные оттенки бытия.

Стоим, смеясь, и всюду видим дали...
У нас любовь огромнее весны,
Но мы с тобой — две малые детали
На том холсте, где истина и сны.

Не знаю я, что время нам готовит,
Прижму тебя — глазам твоим в ответ,
И в радостном пульсированьи крови
Почувствую кружение планет.

В движении всё связано друг с другом:
И стук в груди, и космоса простор —
На синем шаре, мчащемся по кругу,
Несутся вдаль моря и глыбы гор.

Поверь в наивном сумраке, что где-то
Рождается звезда, свергая тьму...
А я, пока ты думаешь об этом,
Тебя земною жизнью обниму.

В эпоху больших эпидемий
Надежды даются с трудом
И к нам обращённое время
Уходит незримым путём.

Мы злимся, что мир в беспорядке,
Что век опрокинут судьбой.
А годы бредут без оглядки
Затерянной в буднях тропой.

И вдруг возникает из дали
Вопрос о насущно земном:
А сам я чьи-либо печали
Хоть чуточку скрасил добром?..

Уже осознаю в прозренье слабом:
Мой разум — неумелый поводырь...
Блуждая по тропинкам и ухабам,
Я к правде шёл. А вышел на пустырь.

Отчаянно и сумрачно зимой,
Усталый мир тревогами измотан...
Давно себя не спрашивая «Кто ты?»,
По льду сомнений следую домой.

Бок о бок с неразборчивою тьмой
Я слышу злобы ветреные ноты...
А всё-таки чарующее что-то
Ещё отчасти властно надо мной.

И значит, я сумею воротиться
К тому себе, который мог стремиться
Туда, где неразменная мечта,

Кто видеть мог с волнением горячим,
Как в повседневном облике кошачьем
С душой соприкасалась доброта.

В доме моём беспорядок не нов —
Впору, к себе обратясь,
Вымести будничный сор из углов,
Вытереть в комнате грязь.
Станет светлей и опрятней чуть-чуть,
Но, все дела завершив,
В зеркало я не посмею взглянуть —
Вдруг оно чище души?

Нет, не горе, что огарком
Тухнет рифма на ветру —
Даже Гёте и Петрарка
Мир не сдвинули к добру.

Верит кто-то: слово — пламень.
Мне ж огонь не по плечу,
Я стихи, как будто камень,
В гору вечную качу.

Нет обид и нет претензий —
Я усвоил навсегда,
Что сизифов труд полезней
Геростратова труда.

Что случилось? Ветер, ветер.
Человек живёт на свете —
Человеку страшно жить.
Он идёт по тротуару
С обречённостью на пару,
Хочет истине служить.

Впрочем, нет — совсем не хочет,
Просто голову морочит,
Забавляется в пути.
Просто ищет оправданье
Своему существованью —
Только где его найти?

Горечь сердца безыскусна —
Человеку очень грустно.
Он так немощен и мал,
А с небес луна большая
Смотрит, будто вопрошая:
«Что ты, мальчик, ожидал?»

Когда смеётся кто-нибудь,
А может быть, рыдает —
Я вижу: птица в новый путь
С груди его взлетает.

Мы тащим помыслы свои
Среди ветров и пыли —
Не все в природе соловьи,
Кто носит бремя крыльев.

И потому в душе тусклей,
Что буднично знакомо
Синицы гонят журавлей
От сердца и от дома.

Вороны истину клюют
Без жалости к поэту,
Как будто я на птичий суд
Стал призванным к ответу.

И в час постыло сирых дней,
Когда печаль всё горше,
Молюсь я, чтоб в груди моей
Не зародился коршун.

Дадут микстуру — тотчас выпью,
Но вряд ли медики спасут,
Моя душа покрыта сыпью,
Влекущей острый частый зуд.
Любое к ней прикосновенье
Тоску несёт и раздраженье.

Причина здесь не в аллергии:
Хотя довольно зла вокруг,
Но пустота и ностальгия —
Старинный внутренний недуг.
Седых врачей напрасно бденье,
Один есть путь — самолеченье.

Сумрачен город ночной.
Чиркают спички в квартире —
С каждой горящей свечой
Что-то меняется в мире...
«Свет сокровенный не тронь», —
Жизнь мне стократ говорила.
Я созерцаю огонь
Неэлектрической силы.
Чтоб избежать темноты,
Мне бы раскрыть понемногу
В сердце подсвечник мечты
С пламенем, поднятым к Богу.

Помнишь, как в читальном зале
Словари мы изучали?
Шли слова на «Ч» под вечер:
«Человек» и «человечий».
А затем с листа большого
Невзначай упало слово:
Просто звякнуло и скрылось
Разным домыслам на милость.
Мелочь — но от строчки к строчке
Стали злей казаться точки...

Стынет в буквах бессердечность:
Слово это — «человечность»...

Брату брат опять наносит раны,
Катится беда в людской слезе.
Если мы пришли от обезьяны —
Значит, заблудился шимпанзе.
Кто надежде путь земной укажет?
Хрупкий век едва ли даст ответ —
И душа в саврасовских пейзажах
Ищет пониманье да совет.

Хоть этот город настолько мал,
Что вряд ли известен гидам,
Приеду я на его вокзал —
К черешне и ветру выйду.

Нет смысла на будни свои серчать,
Сойдя у реки лучистой —
Здесь голуби будут меня встречать
На площади, как таксисты.

Пускай обветшалы кругом дворы,
Но что-то в них есть от рая,
И люди не слишком лицом добры,
А двери не запирают.

У старой калитки присяду я
И в скрипе едва расслышу,
Что не на китах возлежит Земля,
А на треугольных крышах,

Что в мире, где вóйны срывают кров,
Где вечность крошат на части,
Чем больше маленьких городов,
Тем меньше больших несчастий.

Размыты дождями года,
Но в бурной и шумной погоде
Спокойно и тихо вода
В безмолвную землю уходит.

Наполню водой дождевой
Я чашу, как душу, — до края
И стану глядеть на покой,
Ветра и судьбу созерцая.

Так много уже решено,
И в тучах так много повисло,
Но капли ложатся на дно,
И жизнь наполняется смыслом.

Наверно, даётся печаль
Осенним раздумьям на милость,
Чтоб в сердце глубокая даль,
Как в чаше воды, отразилась.

Когда в завершении дней
И беды, и страхи миную,
Свой век, будто чашу дождей,
Я вылью на землю родную.

Быстра́ дорога и красива.
Всё облака — куда ни глянь.
Меж небесами и обрывом
Локомотив скользит, как лань.

Спешит к угрюмому вокзалу,
Чтоб от него уйти опять
И по бессонным перевалам
Легко колёсами стучать.

...Но, увлекаемый скольженьем,
Внезапно сердцем я узнал,
Что право этого движенья
Дано незыблемостью шпал.

Хотя их твёрдость не воспета,
Ни в монументах, ни в стихах,
На них лежит дорога к свету,
Как у атлантов на плечах.

Они упорны и усталы
В трудах великих и простых...
Бывают люди — словно шпалы,
Да только кто прославит их?

В движенье — суть. Но душу не дразня
Ни смыслами, ни чувственным броженьем,
Я вижу, как мышинная возня
Становится единственным движеньем.

Повсюду писк — на разные тона,
И голос мой в любом холодном звуке,
А комната столь буднично темна,
Что кажется жилищем серой скуки.

Гитара спит, укрывшись пледом струн,
Но светел сон о миге недалёком,
Где пробуждает музыку грызун,
Хвостом струну задевший ненароком.

Старый пенал

На ветхой, как мир, антресоли
Нечаянно я отыскал
Пылящийся в скучной неволе
Свой школьный потёртый пенал.

Находка — не горечь, не праздник,
Но жжёт ученический стыд,
И чудится, что первоклассник
С пенала в лицо мне глядит.

Быть может, я болен сегодня
И брежу, сознание дразня,
Но вижу: глаза он отводит,
Как будто стесняясь меня.

Как будто ему не по нраву,
Каким я со временем стал...
Не знаю, имею ли право
Открыть позабытый пенал,

Приблизиться к детству немного
И, вытащив карандаши,
Раскрасить мечту и дорогу
На контурной карте души.

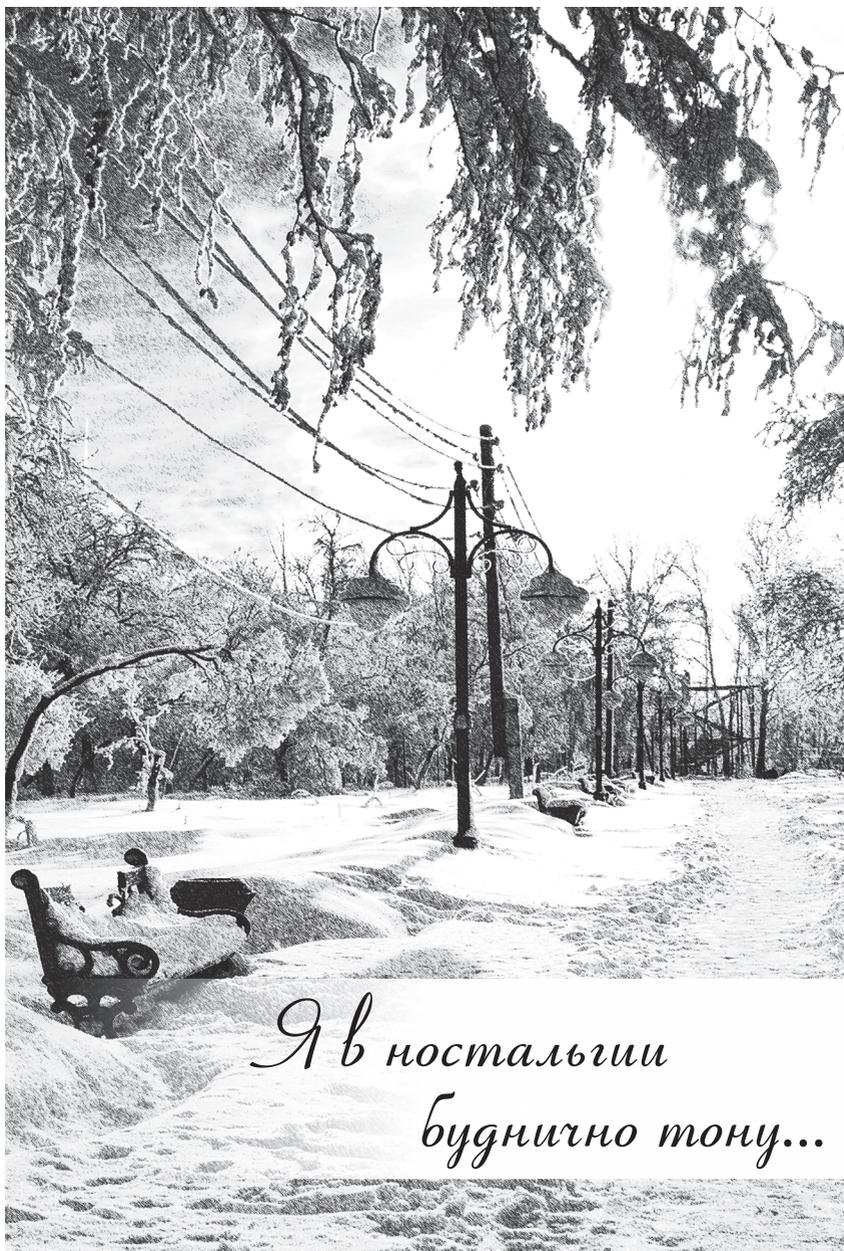
Воспоминанья детства — фото в глянце,
Где спички — не игрушка (хоть с подсветкой),
Где путь на электричке в пару станций
Казался мне великой кругосветкой,

Где век и вечность путались, ведь глазом
Не различить бескрайние глубины,
Где горе знал я только по рассказам
И смерть была сказанием былинным...

...Теперь же знание стало незаёмно —
В нём коротки забеги электричек
И вечность, как Вселенная, огромна,
А век не больше коробка от спичек.

Суета для души инородна,
И порой, оставляя жильё,
Я иду к тишине полноводной —
Будто в реку, ступаю в неё.
Замерев, ощущаю течение,
Удивляюсь картине простой:
Так нетвёрдо лица отраженье,
Что качается вместе с водой.
Даже годы, плывущие мимо,
В тихой ряби заметны едва.
И единственно несокрушима
Отражаемая синева...
Возвращаюсь к делам торопливым,
Где не видно надежд вдалеке,
А из крана вода терпеливо
Всё зовёт к молчаливой реке.

Опять кругом волнения и шум.
Кипят года меж рифмами и бытом,
Но чаще всё приходит мне на ум,
Что я напрасно городом воспитан,
Что, может быть, в одной из деревень,
Где небо с человеком не в разладе,
Облокочусь когда-то на плетень
И так замру, на дождь вечерний глядя.
И долгий час ни шага не ступлю,
Как будто в землю врос я, точно ясень...
И запою — хотя не во хмелю —
О том, что дождь отчаянно прекрасен.
А буду стар — всему есть свой черёд —
В закатный свет окрасит солнце крыши,
Душа к спокойной истине придёт:
Я для земли не первый и не лишней...

*Я в ностальгии
буднично тону...*

Нет ничего бесполезнее,
Чем говорить о поэзии.
Души обсудить полёт —
Как разжевать анекдот.
Но, видимо, не излечится
«Литературо-
ведчество».

Нет ничего бесполезнее,
Чем изучать поэзию,
Разное априори
Втискивать в категории,
Потом составлять руководства
По «литературо-
водству».

Нет ничего бесполезнее,
Чем жизнь посвящать поэзии,
И множить стихотворения,
И вскармливать самомнение.
А есть лишь одно полезное —
Это сама Поэзия.

Сорвалась жизнь нечаянно с пера
Строкой — на удивлённую бумагу.
Входили мысли с тёмного двора,
Не приняв тихой совести присягу.

И шёл обыкновенный белый снег,
Такой же, как и в прошлое столетье.
Была среда. А может быть, четверг.
Я ждал десерт из грёз моих — на третье.

Сидел у одинокого стола,
Поставленного в скучный дальний угол.
И думал, что «печаль моя светла»,
Но за окном куда белее — вьюга.

Кто друг для всех — тот никому не брат,
Кто всем слуга — тот над собой не властен.
Но если нет ни зла и ни добра,
То нет и между ними разногласий.

И нет вины сознательной ничьей —
Есть только равнодушные причины.
Я собираю жизнь из мелочей,
Выкладывая бисером картину,

Где пирогами держится изба,
Где на заре лучи нетерпеливы...
...да кто сказал, что нам нужна борьба?
Я быть хочу не первым, а счастливым...

Зоопарк

Когда одиноко, когда я совсем безоружен,
Иду в зоопарк — там такие родные сердца:
Орёл взаперти, нерешительный голубь снаружи
И волки, что свыклись беззубо людей созерцать.

Безмолвствует лев, не выходит навстречу зевакам:
Цари не выносят, когда им смеются в глаза,
Но львиных владений теперь — даже кот не заплакал,
Не знают зеваки, как бьётся о камень слеза.

А вот шимпанзе тянет к публике руку из клетки —
Воинственный крик, театрально заученный жест,
И люди кидают, как в море на счастье монетки,
Орехи да чипсы актёру — пусть вволю поест.

И так происходит слияние хлеба и зрелищ:
Потеха одним, а другим — немудрёная снедь.
Недолгий антракт — и актёр, как обычно, при деле,
Он так человекообразен, что страшно смотреть.

А белый медведь в зоопарке — бессмысленно белый:
Окраска такая в неволе ему ни к чему,
И быть экспонатом — не очень приятное дело,
Хотя, если жив, привыкаешь почти ко всему.

Доктор, выпиши мне рецепт:
Что-нибудь от ночных сомнений.
Я в тебе, как в Святом Отце,
Постараюсь найти спасенье.

Что-то стало звенеть внутри,
Может, это душа — послушай...
Ты смеёшься, ты говоришь —
Отрицает наука душу.

Ну и пусть отрицает, пусть —
Я и сам-то в неё не верю...
Отбивает чечётку пульс
И себя не даёт измерить.

Доктор, выпиши мне очки:
Близорукость — такая малость...
Не могу разглядеть в ночи
Устаревшее слово «жалость».

Да зачем ты даёшь бальзам —
Не излечишь мои потери:
Раньше верил я лишь друзьям,
А теперь —
только небу верю...

*У картины А. К. Саврасова
«Грачи прилетели»*

Видно, боги смеяться устали
И не смеют Любви отказать,
В голубую беспечность проталин
Загляну, будто Небу в глаза.

Я боюсь изменений погоды:
Словно память, тают снега —
И сиротское чувство свободы
Снизойдёт на пустые луга.

Точно крестик на раненом теле,
Выручает Надежда опять —
Понимаешь, грачи прилетели,
Не боясь никуда опоздать.

Не боясь оказаться чужими
На своей неуютной земле,
Возвратились домой пилигримы
На поклон престарелой зиме.

И дрожит горизонт на пределе,
Как дрожат на пределе слова:
Если к дому грачи прилетели,
Значит, Родина наша жива...

Терпенью полагается лимит —
Я уйду от ругани и лести,
И, может быть, мой голос не уместен
В той жизни, что литаврами гремит.

Ни петь, ни выть не хочется теперь,
Ни штукатурить водкою недуги
И ни искать под сенью дикой вьюги
В страну чудес ржавеющую дверь.

Я отправляю на переучёт
И неизбежно — на переоценку
Картины снов, где в блекнущих оттенках
Душа былые краски узнаёт.

Мой лифт застрял на стыке этажей,
Как будто в нём запала кнопка «счастье»,
И память превратилась в одночасье
В музей уже ненужных мне вещей.

И кажется, что фактам нет числа:
Теряю век в пространных разговорах
И обижаю только тех, кто дорог,
На остальных не тратя даже зла.

Но я найду себя чуть-чуть другим
И отыщу словам своим обитель.
Да я люблю вас, люди, вы поймите!..
Смотрю вокруг, как смотрит в окна зритель,
А жизнь восходит к небу,

словно дым...

Вы прислушайтесь, леди...

— Да, пишу: за неделю — четыре тетрадки.
Нет, не пьющий. А надо? Я всё расскажу Вам и так.
Или книгу оставить? Да, книгу, а в книге — закладки.
В день читайте по строчке, но очень прошу — натошак.

Там, как в прошлых стихах:

новостройки, сады, попрошайки.
Вы прислушайтесь, леди (не ставшая счастьем моим):
Я для Вас — будто фартук для шумной дородной хозяйки,
То есть нужен, ухожен, но, впрочем, легко заменим.

Не прочтите в упрёк. Я по тем же законам устроен.
С позволенья признаюсь, и Вы для меня — как пиджак.
Он, быть может, удобен. Возможно, по правилам скроен.
И по цвету красив. Но сидит почему-то не так.

Откровенность не к месту. А истина выглядит грубо.
Так помилуйте, леди! — я много болтаю всегда...
Одиноко. Дожди. Фонари, точно жёлтые зубы,
Мне впиваются в душу. Вам тоже впиваются, да?

Искатель счастья

*...напивался с ним в одном шинке.
Н. В. Гоголь*

Когда ты шёл в спасительный шинок,
Как будто в нераскрытую эпоху,
Тогда ещё ты не был одинок:
Повсюду раздавался пьяный хохот,

Ты говорил о сути бытия,
Припоминая совесть и расплату.
А во дворе горбатая скамья
Ютила двух отшельников горбатых.

Ты выгнал ночь, об истине крича.
А время сухо скрипнуло калиткой,
И первый снег, как первая свеча,
Зажёгся перед утренней молитвой.

На землю опускался ранний свет,
О крыши спотыкаясь неумело...
И пригоршня услужливых монет
В твоей руке о будущем звенела.

Старый гвоздь

Снова осень в прихожей замешкалась,
На плаще — пережитки дождя.
Ни театра в округе, ни вешалок —
Начинается хата с гвоздя.

И войдёт в обветшалую хижину
Безымянная чья-то душа.
Заскрипят половицы пристыженно,
Безнадёжною пылью дыша.

Шумный чайник, кряхтя, постарается
Не оставить скитальца в беде.
А промокшая шляпа останется
Одиноко висеть на гвозде.

Пусть бродяга ночлегом утешится,
Разбавляя усталость вином.
Наше счастье надеждою держится,
Будто шляпа — угрюмым гвоздём.

Неприметный, забытый поэтами,
Гвоздь сутулится, как старожил.
Гнулся он под чужими портретами
И несчастным одежду сушил.

Слышен говор сомнения дошлого,
Снова стала судьба на ребро.
Гвоздь — непризнанный памятник прошлого —
Держит шляпу, как душу — добро.

*Буду делать хорошо,
И не буду — плохо.
В. Маяковский*

От крика нервного до вздоха
Недолго ехать по шоссе.
Я научился делать плохо,
Я научился жить как все:

Припоминать друзьям обиды,
Считать соседа подлецом,
Молчать с надменностью Фемиды,
Смеяться истине в лицо.

По вечерам точка балясы,
Клеймя огнём кого-нибудь,
Я стал врагов делить на классы
И перед сильным — шею гнуть.

Так жизнь плетётся: крестик, нолик —
В моём архиве вместо лиц...
Подай бутылку, братец Кролик!
За Ваше счастье, братец Лис!

...а ночью вновь придётся плакать,
Хватая блики с потолка.
Душа — как старая собака,
Что телу предана пока...

Ты знаешь, я пишу статью
О том, как бродит дождь вразвалку,
Как не хватает буквы «ю»
Без тихой фразы «я ЛЮБЛЮ»,
Как совесть (дева-приживалка)
Разносит по миру кутью...

Прочти за ужином статью.

К доброте не стал я ближе —
Жизнь раздарена стихам.
Еду в прошлое на лыжах
По накатанным грехам.

Чем опаснее дорога,
Тем задумчивей привал.
Глядя в ночь, прошу я Бога,
Чтобы Он существовал.

Офисный работник

Дни мои не так уж плохи,
Мне вполне хватает благ.
Я — достойный клерк эпохи,
Мелкий царь в краю бумаг.
Отложив любовь и ревность,
Как налоговый отчёт,
Я гляжу на повседневность —
Вечный делооборот.
Поднимаясь спозаранку,
Говорю себе: «Держись!
Ты и сам один из бланков
Заявления на жизнь».
Может быть, придя к расплате,
В свой заслуженный черёд
Лягу я в скоросшиватель
Частью офисных забот.
...но — влетев ко мне неловко —
Как немая благодать,
Сядет Божия коровка
На последнюю печать...

Брусчатка

Люблю, отвергнув крик вокзальный,
Забыв о бреднях рядовых,
Блуждать по городу печально
Маршрутом старых мостовых —

Россия в них, как боль, упряма.
И я, пройдя свою черту,
В брусчатку, лёгшую у храма,
Немым булыжником вращу.

А после — может, на рассвете —
Среди сомнений и теней
Прохожий, горбясь, не заметит
Неровность уличных камней...

Позволь, Господь, мне быть негладким,
Но упаси — в часы обид
Стать камнем, поднятым с брусчатки,
Который в Родину летит.

Абрикосы

Советской пехоте 1941–1945 годов

Никакого подобия дзотов,
У дороги — сады и уют.
Здесь когда-то сражалась пехота,
А теперь абрикосы растут.

И такая на сердце отрада,
Будто Век не готовит беды,
Будто лёгшие в землю снаряды
Превратились в живые плоды.

Наполняется полдень дремотой —
Лишь гудят безмятежно шмели...
...сколько смерти познала пехота,
Чтоб в садах абрикосы росли!

Сколько боли впитала дорога,
Наблюдая отвагу и риск...
Видно, каждое дерево Богом
Здесь поставлено как обелиск.

В саду

Прежний мир мне чудится другим.
Ни в себя, ни в прошлое не веря,
Я острее чувствую деревья,
Будто не был сыном городским.

Босиком к черешне подойду,
Перед ней осаниться — неловко.
Жизнь моя похожа на бытовку,
За ветвями скрытую в саду...

Лепетать примусь, как на духу —
Неумело, скорбно, одержимо...
И пойму: душа неотделима
От беззвучной ягоды вверху...

Фонари

Данко умер. И ночи голодные
Чернотой упиваются власть.
Слишком часто сердца путеводные
Погибают, наивно светясь...
Тем — кто, бросив инстинкты и правила,
Заключил с темнотою пари,
Я не бюсты гранитные ставил бы,
А в садах зажигал фонари...

Опять я в жизни что-то перепутал,
Опять себя в себе не удержал:
Кичился добротой и уютом,
Но искренность любимым задолжал.

По совести — оправдываться нечем:
Мой голос тишину не удивит.
На долгие размашистые речи
Не хочется транжирить алфавит.

Блуждаю по вечернему базару,
Размениваю осень на тоску,
Надежду — на потёртую гитару
И душу — на дешёвую строку.

Брожу, как запоздалый покупатель,
И счастье выбираю наугад,
Пока ещё до точки не растратил
Полученный авансом листопад.

После ветрености дня —
Горечь полнолуныя.
Поселилось у меня
Грустное безумье —
Пробирается в дела,
Глубже радость прячет,
Как садится у стола,
Так тихонько плачет.

Не ругается, не пьёт,
Не взывает к Богу,
Просто летопись ведёт —
К прошлому дорогу.
Испокон сюжет не нов,
Но без повторенья,
Вместо вымеренных слов
Вздохи и сомненья...

...а умру — безумья нет,
Словно потерялось,
Разошлось на тонкий свет,
На мечту и жалость,
Превратилось в хрупкий дым,
В лунную беспечность...
Стали воздухом одним
И душа, и вечность.

Оладьи

Мы сидим в тоскующей прохладе,
Тишина бредёт по этажу.
Я доем горячие оладьи
И тебе о прошлом расскажу —

Как, мечты тревогами окутав,
Приходил я осенью туда,
Где оладьи с привкусом уюта
Ожидали странника всегда.

Исчезали годы в листопаде,
Кочевали бури за окном...
Будто в детстве, жаркие оладьи
Добротою пахли и теплом.

Жизнь, конечно, ветреная штука,
Встретить можно всякое в пути.
Не держу я счастье на поруках —
Ты мои сомнения прости.

Если мы под натиском обмана
Потеряем истину и дом —
Приготовь оладьи со сметаной...
Остальное как-нибудь найдём.

Термос

Сонный город — не Лас-Вегас.
Лишь луна едва светла.
Не огонь душа, а термос
Для вселенского тепла.

Он в груди. Его бандитам
Не отнять, как серебро.
С детства в термос этот влито
Материнское добро.

Усмехается эпоха,
Вьюгой мечется беда.
Но не всё, пожалуй, плохо,
Если термос — хоть куда!

Я озябшими ночами
В парке ветреном стою.
Подходите, выпьем чая —
Всем из термоса налью.

Жить с оглядкой на ненастье
В одиночку — холодней...
Я наполню термос счастьем
Отогревших людей.

Зима

Я бы вечером дома остался,
Но пургу обижать — не к добру.
Фонари, как озябшие пальцы,
Раскраснелись на зимнем ветру.

Заблужусь ли сегодня в потёмках?
Заслужу ли покладистый быт?
Расстилагается в сердце позёмкой
Или снег,

или страх,

или стыд.

Стыдно мне за угрюмую наледь,
Под которой душа не видна.
Страшно помнить, как хлопьями валит,
Заметает мой дом тишина...

Я спешу вопреки снегопаду
На весенний беспечный привал —
Мне дожидаться б автобуса надо,
Но впотьмах он маршрут потерял.

Стынут мысли от каждого вдоха,
У дорог коченеют столбы.
И в сугробах буксует эпоха,
Как попутка для пешей судьбы...

Справедливость

Дождь на сердце, всюду сырость,
Время пасмурных затей.
Не люблю я справедливость
В понимании людей.

Дни опасны, точно пропасть.
Нынче в каждой стороне
Справедливость и жестокость
Сочетаются вполне.

Помню, нищие в подвале,
Вдохновляясь кутежом,
Справедливость укрепляли
Неуступчивым ножом.

Стонет раненый в санчасти,
Плачет женщина в суде.
Справедливость безучастна
И к надежде, и к беде.

Плахи строятся на диво —
Молотки стучат кругом.
Зло — бывает справедливым,
Оставаясь тем же злом...

Так и катится планета
То ли в космос, то ли в ад.
А под небом — руку ветра
Пожимает листопад.

Вновь мне зябко и тоскливо
От раздумий и дождей...
Может быть, несправедлива
Справедливость у людей?

Улица Бога

...а я бы назвал эту улицу — улицей Бога.
Хоть ангелов, даже на Пасху, пока не встречал.
Здесь церковь снесли, а пивная — грешна и убога.
Но первый фонарь от угла — как начало начал.

...и я бы развесил таблички — «Вот улица Бога».
Пусть редким прохожим не так будет страшно идти...
Пусть между акаций священной станет дорога
И каждый бредущий почувствует ценность пути...

А если в безумье отвергну наивность прогулок,
То в паре кварталов отсюда куплю себе дом
И жизнь проведу, ощущая, что мой переулок
На улицу Бога выходит последним окном...

Я в ностальгии буднично тону,
Смотрю на мир, живущий по старинке,
И вижу, что отдельные снежинки
Сливаются в большую белизну.
Меняюсь я. А снег, наоборот —
Совсем такой, как в прожитую пору,
Когда огромным чудился мне город
И бабушка, казалось, не умрёт.
Сбиваются в холодный белый ком
Снежинки лет. И ком подходит к горлу.
Судьба уже немало красок стёрла,
Но детство было право кое в чём:
Мне всё повсюду видится живым.
Опять иду, доверив душу ветру,
Как шёл когда-то с бабушкой по свету
За хлебом и за будущим своим.

Мгновений бег — позёмки бег.
Здесь так зимы по-русски много!
Меж холодов бредёт дорога
И снег сменяется на снег.

И я сменяю год на год.
Мой снеговик, что слеплен Прошлым,
Тревогой зябкой припорошен,
А смотрит всё-таки вперёд.

Душа к прозренью не близка,
Но отовсюду небо брезжит.
И очень хочется надежду
Найти в глазах снеговика.

Белеет вечность вдалеке.
Жизнь повторяется стократно...
...А снег о чём-то невозвратном
Скрипит на русском языке.

Следы

Следы, следы... Следы идут по снегу.
Неровно, неуверенно идут.
Как облака, бредущие по небу.
Как человек, поверивший в уют.
Идут следы, как судьбы через беды,
Спешат следы, похожие на жизнь...
Вот две тропы, два разных тонких следа,
Слились в одну и снова разошлись.
Бредут следы. Упрямо вечность топчут.
А годы превращают их в пургу.
И вот шаги становятся короче,
И след от трости виден на снегу.
Идут следы — то прямо, то по кругу.
Пространство белизною замело...
А дальше след кончается. И выюга
Вздымает снег — бессонно и светло.

В городе — снег. А над снегом горят фонари.
Пусто кругом. А у дома столпились деревья.
Ручка дверная от холода жмётся к двери,
Хоть никогда и не видела комнат за дверью.

В доме тепло. Здесь хозяйка пирог испекла.
Чай на столе. Как же можно под вечер без чая?
В печке — огонь. Как же можно зимой без тепла?..
...Ручка дверная гостей на морозе встречает.

В доме — цветы. В доме к полночи танцы начнут.
Будет веселье — и лампы продолжают мерцанье.
Людям достанется добрых объятий уют.
Ручке дверной — лишь ладоней горячих касанья.

Эти касанья не в силах надолго согреть.
В тихой двери пробудится задумчивый скрежет:
Если тепло существует, то нужно терпеть.
...Что же ещё на морозе надежду удержит?..

Навигатор

Сердце подводит итоги,
Вновь беспокойна зима.
В сумерках возле дороги
Годы стоят, как дома.

Путь мой — по карте раскидан:
Мчится за счастьем мотор.
...В зеркало заднего вида
Смотрит усталый шофёр.

Сбился я где-то с маршрута:
Кажется мне наяву,
Будто в стремленьи к чему-то
Жизнь автостопом живу;

Будто в поспешном движении
Пересекаю свой страх
То на попутных сомненьях,
То на проезжих мечтах...

Скользки в морозные даты
Все автострады в судьбе.
Есть ли такой навигатор,
Чтобы добраться к себе?

Любе С.

Как горбушку пшеничного хлеба,
Щепоть счастья от звёзд отломлю.
Не по уши влюблённый — по небо,
Я тебя по рассветы люблю.

Побродил я по миру — не скроюсь.
Так неужто случилось в пути
От любви, что бывала по пояс,
До любви, что по жизнь, дорасти?!

Пусть кружат щебетливою стаей
Разноцветные дни впереди.
О любви и уюте мечтаю
По осенние наши дожди...

А когда, завершая беспечность,
Снег нездешний накроет и нас,
Я любить тебя буду по вечность
С тем же светом, с каким и сейчас.

Любе С.

Не всегда в душе безумство мая,
Но входя, любимая, в твой дом,
Будто обувь мокрую, снимаю
Все свои печали о былом.

Словно зонт, откладываю осень,
Окунаясь в зарево весны,
И дождей тревожные вопросы
Забываю вскоре, точно сны.

Промедленья молодость не хочет —
Наша страсть смеётся и грешит.
Но не жар сбывающейся ночи
Расцветает в комнатах души:

Всё любовь по-мартовски рассудит,
Если мы нашли в ней благодать —
Ощущенье временности судеб,
Как пальто, в прихожей оставлять...

Свет

До чего же повсюду темно,
Всё смешалось: дома и деревья.
Лишь горит вдохновенно окно,
В силу солнца по-прежнему веря.

Больше света не видно нигде...
И прекрасно, что полночью хмурой
Хоть кому-то уютно в гнезде
Под лучистым крылом абажура.

Кто-то смотрит на кухне кино
Или с книгой задумчиво дремлет,
А раскрытое щедро окно
Отблеск счастья роняет на землю...

Не изгнав монотонную тьму,
Свет в бурьян у дороги ложится...
Я душою его подниму,
Как перо чародейки Жар-птицы.

Жердёлы*

Я пока ещё, кажется, молод,
Я иду в безмятежном краю,
А на ветках сверкают жердёлы,
Освещая дорогу мою.
И при тихом спокойном сиянии
Видно то, что не выявит свет, —
Перешедшие в сны очертанья
Отгоревших, как ягоды, лет.
Я о прошлом тоскую нередко,
А мечты о грядущем скупы —
Мне бы стать плодоносною веткой
У изгиба тернистой тропы.

*Жердёла — дикорастущий абрикос.

Бабушке Зине

Знаешь ли, а голубь всех белей.
Всех румяней — молодость на лицах.
Бабушка, я думаю жениться,
Завтра отпускаем голубей.

Годы то воркуют, то летят,
С небом сокращая расстоянье.
Свято голубиное призванье —
Радовать надеждой чей-то взгляд.

Бабушка, спокойна ль ты теперь?
Бережна и ласкова невеста.
С ней мне было легче, если честно,
Выдержать отчаянье потерь.

Кажется, завязаны узлом
Прошлого и будущего даты:
Помнишь подобрали мы когда-то
Голубя с поломанным крылом?

Завтра он вернётся, может, к нам
В новом окрыляющем сияньи...
Скажут всем задумывать желанье —
Выси пожелаю голубям.

Бабушка... Трава кругом густа...
Верю безотчётно, что ты рядом,
Что на счастье взмоет над оградой
Голубь с деревянного креста.

Дедушка умер. А в доме светло,
В доме покой — фонарям на потеху.
Будто бы время течёт, как текло,
Дедушка к бабушке просто уехал.

Бабушка с прошлого года в раю —
Нынче сверчки с ней беседуют чутко.
Дедушка скоро там встретит зарю,
Лишь доберётся ближайшей попуткой.

...Тихо в окно упирается взгляд.
Ночь замерла, как вопрос без ответа.
Свечи у гроба бессонно горят,
Схожие с фарами дальнего света.

Я стою среди могил,
Закусив по-детски губы.
Так, как дедушка любил,
Вряд ли кто меня полюбит.

Кроме бабушки моей,
Кто в беду утешит словом?
Покосился крест над ней —
По весне поставлю новый.

Меж родными мне людьми
Жил — глаза на свет разинув,
Будто ягоды любви
Клал в сердечную корзину.

Много ль вишенок сберёг?
Годы катятся по свету.
Вот бы внукам в нужный срок
Передать корзину эту.

Паутинка

В душе с утра — покой и лень.
Из ночи в ночь ведёт тропинка.
А между двух бессонниц — день,
Как между веток — паутинка.
Она качнётся невзначай,
И солнце отблеском качнётся,
Тревога хлынет через край.
Так осень, видимо, начнётся.
Что ж, солнце доброе, держись!
Тебе нельзя дрожать от ветра...
...Меж парой дат сверкает жизнь,
Как паутинка между веток.

Так радостно, увидев осень рядом,
Понять, что сущность времени — проста,
И вечности коснуться тихим взглядом,
Как жёлтого парящего листа.
Бессмертно мимолётное паренье,
Поскольку в скоротечности оно
Так близко к своему исчезновенью,
Что с вечностью сливается в одно,
В одно неизмеримое пространство,
В котором ни находок, ни утрат,
А только простота и постоянство
И кажущийся вечным листопад.
Беспечный лист, доверившись природе,
Прощальный час встречает на лету...
И сопричастность вечности приходит
Из чувства сопричастности листу.

Рост

Пусть не спешит трава погоста:
Моя Судьба ещё в пути.
Душа мне кажется подростком —
Душе положено расти.

Она взрослеет не по датам,
Порой сама к себе слепа:
То вдруг резка и угловата,
То вдруг наивна и глупа.

Она подчас такое выдаст —
Держись от смеха за живот.
...Читаю книги ей на вырост,
Авось хоть малое поймёт.

Душа растёт, растёт негромко,
С годами делаясь мудрей,
Пока не вырастет настолько,
Что в теле тесно станет ей.

До той поры совсем не просто,
Сводя отчаянье на ноль,
Осознавать болезнью роста
Души клокочущую боль.

Не растерять удачу мне бы,
Чтоб к завершению пути
Душа до радужного неба
Сумела светом дорости.

Я перейду дорогу и овраг
И окажусь у старенькой калитки,
Где первобытной истины — в избытке
И благостен тенистый полумрак,
Где за калиткой — Родина и сад,
Где тишина — под крышею беседки
И солнце чуть качается на ветке,
А ягоды на облаке висят.
Там неба запрокинутая гладь
К деревьям неразрывно приникает
И так друг в друга всё перетекает,
Что трудно мир на вещи разделять.
И трудно даже вычленишь себя
Из вечности природы переменной,
Как будто вдруг становишься Вселенной,
Утрачивая собственное «я».

Содержание

С душой соприкасалась доброта	
«Так хочется сердцу читать научиться...»	4
«Чего-то мне всегда не достаёт...»	5
«Июль не прошёл стороною...»	6
«Здесь всё тяготеет друг к другу...»	7
«Человечьи узки границы...»	8
«Бывает в июле — не то чтоб тоска...»	9
«Ночью — словно наяву...»	10
«Искрился дождь. Я августовским днём...»	11
«Что печалью бредить зря...»	12
«Так ветрено, что, чудится, вот-вот...»	13
«Подходит август к завершенью...»	14
Мельница	15
Факты	16
«Ни к чему здесь цветы горемычные...»	17
«Понурые дни. В магазине «Продукты»...»	18
Осенний дракон	19
«Не может душа обойтись без печали...»	20
Парадокс	21
«Сегодня день продрогший и больной...»	22
«Судьба нас жить по формулам неволит...»	23
Мокрый снег	24
«Летит Земля — лучам открыта...»	25
«Когда возникает апатия к ветру...»	26
«Душа о зле ещё не знала...»	27
«С полудня светится над крышей...»	28
«Так морозно, что мысли в ознобе...»	29
«К наивным дням судьба нас не вернёт...»	30
«Летели дни, как на Пегасе...»	31
«Был апрель. Под веткой клёна...»	32

«Если вслушаться в будний покой...»	33
«Дней моих разрозненные строки...»	34
«Когда друг друга мы не понимаем...»	35
«Любовь — не букеты наивных цветов...»	36
«Казалось бы: вот день и он не вечен...»	37
«В эпоху больших эпидемий...»	38
«Уже осознаю в прозренья слабом...»	39
«Отчаянно и сумрачно зимой...»	40
«В доме моём беспорядок не нов...»	41
«Нет, не горе, что огарком...»	42
«Что случилось? Ветер, ветер...»	43
«Когда смеётся кто-нибудь...»	44
«Дадут микстуру — тотчас выпью...»	45
«Сумрачен город ночной...»	46
«Помнишь, как в читальном зале...»	47
«Брату брат опять наносит раны...»	48
«Хоть этот город настолько мал...»	49
«Размыты дождями года...»	50
«Быстра́ дорога и красива...»	51
«В движенье — суть. Но душу не дразня...»	52
Старый пенал	53
«Воспоминанья детства — фото в глянце...»	54
«Суета для души инородна...»	55
«Опять кругом волнения и шум...»	56
Я в ностальгии буднично тону...	
«Нет ничего бесполезнее...»	58
«Сорвалась жизнь нечаянно с пера...»	59
Зоопарк	60
«Доктор, выпиши мне рецепт...»	61
«Видно, боги смеяться устали...»	62
«Терпенью полагается лимит...»	63
Вы прислушайтесь, леди...	64
Искатель счастья	65
Старый гвоздь	66

«От крика нервного до вздоха...»	67
«Ты знаешь, я пишу статью...»	68
«К доброте не стал я ближе...»	69
Офисный работник	70
Брусчатка	71
Абрикосы	72
В саду	73
Фонари	74
«Опять я в жизни что-то перепутал...»	75
«После ветрености дня...»	76
О голубях	77
Олады	78
Топор	79
Термос	80
Зима	81
Справедливость	82
Улица Бога	84
«Я в ностальгии буднично тону...»	85
«Мгновений бег — позёмки бег...»	86
Следы	87
«В городе — снег. А над снегом горят фонари...»	88
Навигатор	89
«Как горбушку пшеничного хлеба...»	90
«Не всегда в душе безумство мая...»	91
Свет	92
Жердёлы	93
«Знаешь ли, а голубь всех белей...»	94
«Дедушка умер. А в доме светло...»	95
«Я стою среди могил...»	96
Паутинка	97
«Так радостно, увидев осень рядом...»	98
Рост	99
«Я перейду дорогу и овраг...»	100

Литературно-художественное издание
Ханин Дмитрий Игоревич
Так хочется сердцу читать научиться...
Сборник стихотворений

Издаётся в авторской редакции

Вёрстка — С. С. Стефаненко
Дизайн обложки — С. С. Стефаненко
Корректор — Н. М. Коновалова

Сдано в набор 20.11.2023 г.
Подписано в печать 28.11.2023 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л 6,5. 104 стр.
Обложка мягкая, картон глянцевый
с припрессовкой матовой плёнки.
Гарнитура Cambria. Тираж 250 экз.
Заказ № 617.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:
г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.
Тел.: 8-958-544-59-27, 8 (863) 219-84-25.
E-mail: oooaltair_office@mail.ru.
<http://altair-rostov.ru>